

ПОДСЧЕТЫ АЛАМПИЕВА

Алампиев Валерий Алексеевич, родился 14.01.1956 года в городе Добруши Гомельской области Белорусской ССР; Минское СВУ.

— Давай считать.— Начал разговор Валера Алампиев...— ух, опять эти панибратские привычки: никак не избавлюсь от них...— в общем, начал разговор гвардии подполковник запаса Валерий Алексеевич Алампиев.

— Давай.— Соглашаюсь сразу.

— Учился в трех военных учебных заведениях...

— По твоим знакам угадаю с первого раза: Суворовское, Рязанское десантное и Академия Фрунзе.

— Верно: Суворовское — в Минске, Рязань — само собой и Военная академия имени Михаила Васильевича Фрунзе.

— И чего было считать — всего до трех-то?

— Считаем дальше: служил в трех дивизиях — Витебской, Псковской, Тульской...

— Опять получается — три дивизии...

— Плюс три бригады: Николаевская, Актагайская в Средней Азии, Уссурийская...

— Снова — три...

— Еще — ООНовский батальон в Югославии.

— Не хило!

— Не забывай Афганистан и Чечню.

— Короче — «военным туризмом» ты сыт по горло.— Подвожу черту под его подсчетами.

— А — то!..

— Про Афганистан.

— Два года службы в Витебской дивизии и 11 декабря нас поднимают по тревоге: куда, зачем, когда — никто ничего не знает. Десятого срочно приняли присягу у «молодых». Обычно присягу принимали в подразделениях, а тогда приехавшие офицеры из частей принимали прямо в учебном центре дивизии одновременно у всех. Загрузили в самолеты: Ил-76 и Ан-22. С мытарствами добрались до Ташкента: вылетали — было минус двадцать, прилетели — плюс двадцать. По Цельсию, естественно.

— К этому времени знали наверняка, куда «дальняя дорога легла»?

— Пока три дня «жарились» в Ташкенте, слухи «шатались» среди личного состава: или Иран, или Афганистан, или Пакистан. Один «ташкентский» туман. Наконец — всему когда-то приходит этот самый конец — нас подняли в воздух и войска оказались на аэродроме в Энгельсе, где через три дня выдали карты Кабула. Тогда-то и стала всем понятна наша цель. Сели клеить карты, вспоминая школьные познания про эту страну.

— Да, бывает и так, что окольный путь оказывается короче прямого.

— Три дня передышки и двадцать седьмого декабря — мы в Кабуле...

— Твои самые первые впечатления об Афганистане.

— Готовились к самому худшему варианту развития событий, но наши советники свою задачу выполнили на «отлично с плюсом», обеспечив нашу посадку в Кабульском аэропорту без выстрелов.

— Дальше.

— Об остальном столько всего написано-переписано...

— Как я понял...

— Правильно понял.— Из дальнейшего нашего разговора — наша беседа растянулась на добрых три с половиной часа — я узнал столько новых фамилий людей, с кем приходилось учиться и служить Алампиеву, что сходу всех и не запомнил. Тем более, что о каждом человеке, так или иначе пересекавшему пути Валерия, он рассказывал подробно, давая меткие характеристики каждому.

— Тебе и не к чему их запоминать. Вспомнил молодость, тем более такого внимательного, не смотрящего поминутно на часы, у меня, считай, и не было.

— И на том — спасибо.

— Если нужна моя помощь — обращайся...

— Стоп! — Сам себе сказал я, уже взявшись за ручку двери кабинета Алампиева.— Пару слов о своей теперешней работе.

— Уволился из Армии в 2001 году. И столько несправедливости, обмана, порой — подлости творилось по отношению к уволенным в запас — пришлось самому столкнуться с подобным явлением,— что возникла мысль о создании общественной организации, которая бы и отстаивала права наших с тобой коллег.

— Полностью одобряю твой выбор.

На том и расстались до новых встреч.

Награжден орденами Красной Звезды, «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалями; имеет первый разряд по футболу.

О Минском суворовском военном училище.

Расположено в центре Минска. Рядом с училищем — Белорусский государственный оперный театр, ВДНХ Белорусси, Дворец спорта, Парк культуры и отдыха имени партизана-школьника Героя Советского Союза Марата Казея, набережная реки Свислочь.

НАЧАЛЬНИК ТЫЛА

Бабушкин Сергей Александрович, родился 22.09.1949 года в селе Перевозное Воткинского района Удмуртской АССР; Минское СВУ.

Биография Сергея Бабушкина, написанная им самим с небольшими изменениями и сокращениями, не меняющие смысла нижеизложенного.

...У нас в семье трое детей. Отец после рождения нас с сестрой был призван в армию. Во время срочной службы окончил курсы младших лейтенантов и уволился из

рядов Советской Армии в звании полковника. Мама всю жизнь проработала воспитателем в детском саду. Старшая сестра проработала всю жизнь врачом. Младшая сестра закончила трудовую деятельность учителем в начальных классах средней школы.

Я после окончания восьми классов поступил в Минское Суворовское военное училище, которое окончил в 1967 году. В 1967—1971 годах учился в Московском ВОКУ имени Верховного Совета РСФСР.

В 1971—1976 годах — служба в 108-м гвардейском парашютно-десантном ордена Красной Звезды полку 7-й гвардейской Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии (командир взвода, командир роты).

В 1973 году встретил свою будущую супругу. Сыграли свадьбу, через год родился сын Герман. В полку отнеслись по-человечески, дали однокомнатную квартиру, правда, без современных удобств. Дрова для печки в сарае, газ привозной. Но мы и этому были рады. Супруга — учитель химии и биологии — работала в учреждениях образования в городах по месту службы.

В 1976 году поступил в Военную академию тыла и транспорта (Ленинград). По окончании академии направлен для службы в 76-ю гвардейскую воздушно-десантную Черниговскую Краснознаменную дивизию (Псков) на должность начальника организационно-планового отделения дивизии.

В 1981—1983 годах — служба в 103-й гвардейской воздушно-десантной ордена Ленина Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии имени 60-летия СССР (Кабул): начальник организационно-планового отделения дивизии; с 1982 года — заместитель командира 357-го гвардейского парашютно-десантного ордена Суворова 3-й степени полка по тылу.

Воспоминания об Афганистане.

В ДРА прибыл 21 ноября 1981 года.

Заместителем командира 103-й ВДД по тылу был полковник Лев Маркович Красный. Он к этому времени уже прослужил в ДРА два года и готовился к замене. Убывая в Витебск, он дал мне наказ постоянно вникать во все стороны тылового обеспечения частей и подразделений дивизии, держать на постоянном контроле наличие материальных запасов и принимать меры к их пополнению.

Пополнение запасов тыл дивизии осуществлял своими автомобильными колоннами из базы 40-й армии в Пули-Хумри и базы ТуркВО в Термезе. Кроме того, по погоде самолетами Ан-12 из Ферганы мы доставляли скоропортящиеся продукты, а также наши десантные сухпайки.

Особо Лев Маркович обращал внимание на постоянный контроль за доброкачественным приготовлением горячей пищи, еженедельным банно-прачечным обслуживанием личного состава, медицинским обеспечением, недопущением заразных заболеваний. Климат в ДРА давал о себе знать.

Подвоз запасов мы осуществляли созданными в полках автомобильными колоннами. Душманы не давали нам свободно подвозить запасы, но со временем мы решили этот вопрос. Конечно, были потери и личного состава, и техники, и материальных запасов.

Лично сам возглавлял колонны в Пули-Хумри и в Термез в декабре 1981 года. Был начальником группы обеспечения Панджшерских операций дивизии в мае и сентябре 1982 года с аэродрома Баграм. Вертолетами отправляли по заявке штаба материальные средства, эвакуировали раненых.

В сентябре 1982 года назначен на должность заместителя командира 357-го полка по тылу. Строили столовую из пяти СРМ, проложили водопровод, в том числе — и на мойку в автопарке, построили новую скважину для добычи воды, построили здание штаба полка, построили офицерскую баню.

Принимал участие в боевых выходах полка. Периодически посещал 2-й батальон в Бамиане, 3-й батальон — на позициях по охране Кабула, точки охраны нашей разведроты в окрестностях Кабула, 7-ю роту — на охране Министерства Обороны ДРА.

За службу в ДРА награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-ей степени.

В конце октября 1983 года по замене убыл для службы на Родину.

В 1983—1987 годах — заместитель начальника тыла 7-й гвардейской Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии (Каунас).

В 1987—1990 годах — заместитель командира 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии по тылу.

Воспоминания о Минском СВУ.

Самое светлое воспоминание осталось о моей учебе в Минском СВУ. Училище мне дало очень много. Я научился очень многому, физически окреп, научился жить в воинском коллективе. По настоящему влюбился в военную службу. После выпуска часто переписываемся с однокашниками. На 40 лет и 45 лет после выпуска из СВУ встречались в Минске в родном училище. Встречи незабываемые. Осенью 2013 года встречались в Минске на 60-летии училища.

Из книги «Записки батальонного врача».

...Бабушкин.

После полковника Жукова тыл дивизии возглавил только что окончивший Академию тыла и транспорта, подполковник Бабушкин Сергей Александрович. Умнейший и грамотнейший офицер. Суворовское училище, Московское ВОКУ имени Верховного Совета РСФСР, Академию — все окончил с «золотой» медалью. Но... но — грубиян и матерщинник, каких свет не видывал. Абсолютно незлопамятный человек.

Как-то весной он уехал на очередные свои, тыловые сборы. В другую дивизию. В это время мне по своим эпидемиологическим делам пришлось выехать на наш Тульский полигон, что неподалеку от санатория «Слободка».

Приезжаю. Вижу: рота солдат в оттаявшей земле копает какую-то непонятно для чего предназначеннную траншею. Один конец траншеи упирается в горловину заброшенной артезианской скважины, из которой когда-то качали питьевую воду.

Куча вопросов: кто распломбировал эту горловину? По чьему приказу направляются талые воды в эту скважину? Кто додумался до такой дури?

Спрашиваю старшего по полигону и слышу в ответ:

— Подполковник Бабушкин приказал!

Предлагаю прекратить заниматься этим неблагодарным делом. Опасным, чреватым непредсказуемыми последствиями, делом.

Армия есть армия. Не может подчиненный отменить приказ вышестоящего командира и начальника. Предлагаю компромисс: пусть солдаты сделают перекур на 10—15 минут, а мы пойдем и позвоним комдиву.

По телефону докладываю обо всем комдиву генерал-майору Лебедю Александру Ивановичу. Объясняю, что через распломбированную заброшенную скважину в подземные воды попадет всяческая гадость, в том числе и возможные патогенные микробы.

Лебедь тоже предлагает компромисс: на сутки приостановить работы, а мне представить в письменном виде все аргументированные обоснования этих антисанитарных мероприятий, которые могут привести к вспышке желудочно-кишечных заболеваний.

Мне — что? Пара пустяков — такая работа. Заезжаю в СЭС Ленинского района: там дают справку о недопустимости подобного безобразия, дают наглядные схемы водоснабжения из артезианских скважин.

Затем заезжаю в Тульскую КЭЧ: здесь также подтверждают в письменном виде мои опасения.

Беру «буквари» по гигиене воды (не все же цифры можно помнить).

На следующий день утром докладная развернутая записка — на столе у комдива. Следует приказ начальнику полигона об опломбировании заброшенной скважины, о прекращении рытья траншеи. Также следуют нелицеприятные эпитеты в адрес подполковника Бабушкина, которые Лебедь по приезду последнего со сборов ему и выскажет.

Бабушкин после этого разговора, ворвавшись в кабинет начмеда, обвинит меня во всех смертных грехах: в моей некомпетентности, в моей тупорылости, в моем черносотенстве и т. д., и т. д., и т. п., и т. п., выражаясь десять к одному — десять ненормативной лексики к одному нормативной. И что в КЭЧ, и в этом Ленинском СЭС сидят одни уроды, ничего не понимающие и не смыслящие в водоснабжении...

Полчаса «срывания масок» завершились хлопаньем дверей...

По окончании рабочего дня, нагло ухмыляясь, он заглядывает в кабинет:

— Тебе что? Особое приглашение? Стол накрыт! Все ждут одного тебя! Начальник со сборов приехал, а это — праздник для подчиненных!

Ну, ни капли, ни каплюшки у него не было злопамятства. Но свои ошибки, свои промахи (а у кого их нет!) он переживал на «всю катушку». Тем более ошибки, исправленные его подчиненными...

ПЯТЬ ОРДЕНОВ

Жданеня Михаил Николаевич, родился 26.02.1952; Минское СВУ.

С Михаилом, с Мишкой Жданеня (это он по службе был для меня гвардии полковник Михаил Николаевич Жданеня) я познакомился в девяностом году прошлого века, когда он пришел в нашу 106-ю десантную начальником оперативного отделения штаба дивизии. Неискушенный обыватель может задаться вопросом: «Что это такое — оперативное отделение? С чем его едят?» Штаб дивизии (вообще штаб любой военной организации) — это мозг, а оперативники (только не надо путать с оперативниками из внутренних и других органов), то есть оперативное отделение (или отдел) — это мозг штаба.

— Получается, что полковник Жданеня возглавлял мозг в квадрате.

— Ну, ты загнул.

Мы с ним сидим в комнате городской афганской организации. Или как там ее. В общем, сидим, и я слушаю его рассказ. Комната не для нас одних и приходящие-входящие посетители (ветераны-афганцы, естественно), кто на минуту, кто на большее время подсаживаются к нам и с интересом, и, конечно, со своими комментариями и замечаниями дополняют моего визави.

— Ладно, не скромничай. Но сейчас не об этом. На твоих афганских фотографиях Жданена выглядит подтянутым стройным пацаном. Не морщись, хорошо,— юношей. А однажды на каком-то строевом смотре заместитель командующего ВДВ генерал-полковник Чиндаров...— Михаил, смеясь, перебивает меня:

— Подходит ко мне и через зимнюю десантную куртку кладет на мой непомерный живот руки и говорит: «Что это у тебя там, Михаил Николаевич?». Ты знаешь его — хохмач, каких поискать, но я не растерялся и отвечаю: «Пистолет!». Тут же, ни мгновенья не задумываясь, как будто — домашняя заготовка, он выдает: «Что-то он у тебя большой и круглый, этот пистолет!».

— Хохот тогда стоял — будь здоров. Правда, откуда такой лишний вес?

— Сидячая штабная работа, нарушения какие-то в организме. Ты же доктор — придумай что-нибудь.

— О медицине как-нибудь в другой раз. Я вот о чем хочу спросить. Мой отец, фронтовой разведчик, в декабре сорок первого, за месяц до своего восемнадцатилетия, был награжден орденом Красного Знамени. За подрыв вражеского эшелона с техникой. Ты, конкретно, за что был награжден таким орденом?

— Давай по порядку.

— Давай.

— Вкратце — до Афганистана, пойдет.

— Пойдет, пойдет.

— Минское суворовское — в семидесятом, военное училище в Оржоникидзе — в семьдесят четвертом, от взводного до командира батальона в Псковской дивизии — до восемьдесят второго, «Фрунзе» — в восемьдесят пятом, начальник штаба полка в Болградской — всего год, и два года, с восемьдесят шестого по восемьдесят восьмой, в Афганистане начальником штаба 350-го полка 103-й Витебской дивизии.

— Что значит штабной работник: коротко, лаконично и все понятно.

— До Красного Знамени у меня была награда: орден Красной Звезды.

— Так, начинай с этой награды.

— В принципе-то, награждали по совокупности, но так получилось, что первым орденом наградили после одной операции. На Саланге нашу колонну с продовольствием, что там скрывать, «духи» почти полностью разбили. Для выяснения обстоятельств, для оказания помощи, для эвакуации оставшейся техники послали солидную группировку под моим командованием. Прибыли на место без происшествий.

— Какие происшествия?

— Без стычек с «духами». Прибыли, а «духи» тут как тут. Нет, эти «духи» не стреляли. Эти «духи» покупали муку, сахар и все, что было в разбитой накануне колонне...

— Покупали?

— Ну, да! Прапорщик — кто же еще! — из дорожной бригады беззастенчиво и без зазрения совести проворачивал свой гешефт.

— Прапорщик — наш, из десантуры?

— С нашим я сам бы по полной программе разобрался. Естественно, «духов» разогнали, подняли из кюветов технику, с прапорщиком «органы» начали разбираться и мы двинулись на Кабул.

— Сколько, приблизительно, км?

— Около или чуть больше ста пятидесяти километров. Не успели двинуться, как началось: стреляли с гор, стреляли из «зеленки», откуда только не стреляли — сплошной шквал огня из всех видов оружия. Так с постоянными боями и продвигались почти всю дорогу до Кабула. Прибыли. Встречает сам комдив, Грачев, а я не могу ничего ему сказать: руки трясутся, ноги дрожат, язык не слушается. Видя такое мое состояние, приказывает своему ординарцу принести из медсанбата, благо рядом стояли, спирта. Тот «мухой» притаскивает полную солдатскую кружку медицинского — выпил залпом, как воду, ничего не почувствовал, но доложил четко, что у нас потерь нет, всего двое легкораненых.

— На этом «разбор полетов» и закончился?

— На следующее утро в кабинете комдива обстоятельно докладываю о ходе операции и он предлагает наказать «духов» за такую наглость и беспредел. Разрабатываю план операции, утверждаю у Грачева и... дали, очень дали прикурить в тот раз «духам»: прочесали всю «зеленку», откуда по нам стреляли. Вскоре после этого к комдиву прибыла делегация старейшин с мольбой о перемирии, что, дескать, они

сами уже разобрались со своими отморозками. Тем более, что, когда выводили нашу разбитую колонну, потерп с их стороны было более восьмидесяти человек, а после нашей «зачистки» лучше и не говорить сколько их полегло.

— Это — в восемьдесят седьмом, а Красное Знамя?

— В восемьдесят восьмом во время операции «Магистраль» мне пришлось с господствующей высотки руководить боевыми действиями нашего полка. К ночи с «духами» было покончено и войска стали отходить в район сбора; моя БМД тоже начала «сползать» с горки и, аккурат, при выезде на дорогу слетает гусеница.

— Картина Репина «Приплыли»?

— Точнее не скажешь. Хорошо, на дороге нас поджидали пять боевых машин. Механики ремонтируют гусеницу в кромешной темноте.

— А подсветить?

— Не успеешь включить переноску, как снайпер с гор присыпает «визитку». Но к полночи все равно гусеница была поставлена на место и мы благополучно, главное — без потерь, добрались до своих.

После Афганистана Жданеня почти два года «работает пожарником» в составе Кировабадской дивизии (была тогда такая дивизия в Воздушно-десантных войсках, дислоцирующаяся в Закавказье): Сумгаит, Тбилиси, Баку, Степанокерт и т. д., и т. д. В конце девяностого года гвардии полковник наконец-то обретает относительное успокоение своей военной души.

— Не считая, — комментирует Михаил, — опять же «турпоездок» по Северному Кавказу и август 91-го в Москве.

— Тебе, наверное, «надоела» экзотика гор и тебя в девяносто втором году «занесли» в Приднестровье, поближе к молдавским винам и к твоему третьему ордену — «За личное мужество».

— Вина что на Кавказе, что в Приднестровье — реки, но окунаться в них не рекомендовано.

— Это — понятно. Твои функции в Приднестровье.

— Тирасполь — это само Приднестровье, это 14 армия, это Лебедь. Через Днестр — Бендера — это Молдова, это враги Приднестровья. Вот в Бендерах у меня и была «непыльная» должность — комендант, первый комендант, города Бендера. Миротворец — одним словом.

— И в чем специфика?

— Один пример. Два следователя прокуратуры — молдаванин и приднестровец. Враги не на жизнь, а на смерть. Если на дело едет молдаванин, то виноватым всегда, даже если потерпевшая сторона — приднестровец, оказывается, естественно, приднестровец. И — наоборот. Враги — еще раз повторюсь — не на жизнь, а на смерть. Принимаю соломоново решение и поселяю их в одну комнату. Вторая мера — всех заставляю пытаться не в кабинетах, а в общей комнате из одного армейского котла.

— Результат?

— Через неделю следователи стали не только разговаривать друг с другом по-человечески, но и «закладывать за воротник» совместно.

— Скорее всего: вначале вместе начали дегустировать молдавские вина, а потом — и разговаривать.

— Пожалуй.

Затем у гвардии полковника Жданени — московская осень девяносто третьего; две Чеченские войны и два ордена: «За военные заслуги» и орден Мужества; должность командира (первого командира) Русского батальона под эгидой ООН в Югославии и два ООНовских ордена; увольнение в запас из рядов Армии в 2002-ом; «гражданка».

— Николаич, тебе сейчас твоя новая должность — директор стадиона на Косой Горе — помогает избавляться от «большого круглого пистолета»? — все присутствующие при нашей беседе заразительно смеются.

— А то — нет? Смотри сам.

— Постройнел, ничего не скажешь. Но до афганских фотографий — далековато.

— Какие наши годы!

— И то — верно.

ДВЕ КРАСНЫЕ ЗВЕЗДЫ

Киласония Олег Евгеньевич, родился 13.11.1952; Минское СВУ.

В конце семидесятых — начале восьмидесятых годов прошлого века о нем ходили — если и не легенды, то молва шла по всем Воздушно-десантным войскам. Окончив Минское Суворовское, затем Рязанское десантное училище, молодой, стройный, симпатичный гвардии лейтенант Олег Киласония начал службу командиром взвода в Тульском 51-ом гвардейском парашютно-десантном полку. Перспектив для служебного роста не меряло.

— Я был самым старым лейтенантом,— сегодня он с иронией вспоминает свою молодость,— во всех Вооруженных Силах страны (естественно, по словам политработников из Москвы), который за пять с лишним лет службы умудрился получить три (!!!) строгих партийных выговора с занесением в личную карточку. И не только не был исключен из партии, что автоматически приравнивалось к увольнению из Армии, но между вторым и третьим выговором получил не младшего, как двое моих «товарищей» по несчастью, а старшего лейтенанта.

Да, «похождения» его гремели, как говорили, «со страшной силой». Припоминаю два эпизода из его «послужного» списка (автор на три года раньше начал службу батальонным врачом в этом полку).

...Олег, вальяжно облокотившись на трибуну, в тени смакует импортную сигарету; по периметру части солдаты его роты (5-ой парашютно-десантной роты, где он командовал нештатным батальонным взводом разведки) с полной выкладкой в летний зной отмеряют нормативные километры; исполняющий обязанности начальника физической подготовки полка, видя такое «безобразие», немедленно выполняет «прогиб» перед командиром полка.

— Обнаглел, понимаешь, совсем этот лейтенант. Солдаты бегают, а он, понимаешь, курит вразвалочку.— И преданно уставился в глаза командиру, предвкушая разнос строптивого лейтенанта.

— Другие не курят! — Следует ответ командира.— Но у них и солдаты не бегают, а прячутся по всяким «подворотням».

— Да,— смеется Олег,— «прогиб» начфиза был «не зафиксирован».

...Строевой смотр полка в зимней форме одежды; новый командир полка обходит строй офицеров и замечает у какого-то лейтенанта неустановной шарф (неустановной была только крупная нить в вязке шарфа, который Киласония, как и многие другие офицеры, купил в Московском военторге на Парадной площадке); следует диалог:

— Товарищ лейтенант, я приказываю вам выбросить этот шарф!

Выбросить, так выбросить: лейтенант снимает шарф и засовывает его в карман шинели.

— Я приказал выбросить! А — не засовывать шарф в карман! — Страсти между командиром полка и командиром взвода (полковником и лейтенантом) накалялись с каждым мгновением. Из-за пустяка, из-за ничего.

— Я дурацкие приказы не выполняю! — Олега тоже понесло.

— Да я, да тебя!.. — И пошло, и поехало. Могло и до рукопашной дойти. Перед строем всего полка.

Вмешалось московское начальство, переведя лейтенанта Киласонию в Прибалтику, в школу прaporщиков — «Золотой фонд» Советской Армии, на капитанскую должность. Что-то, вроде, главного кадровика этой школы.

— Но до чего же подлый народ бывает,— рассказывает Олег,— до этого приказа, пока я был простым «Ванькой» взводным, со мной ни начальник отдела кадров полка (сам недавний взводный), ни, тем более, исполняющий начфиз не здоровались. А теперь, пожалуйста, первыми руку тянут...

Оттуда, из этой школы прaporщиков, и прибыл для дальнейшего прохождения службы гвардии капитан Киласония 3 января 1987 года в 345-й отдельный гвардейский парашютно-десантный полк, в Баграм, в Афганистан.

— Первую Красную Звезду получил через полгода, в июне восемьдесят седьмого. Почти двое суток шли бои с «духами» у крепости Алихейль, в пяти километрах от пакистанской границы. Я выполнял обязанности начальника штаба полка передового командного пункта. Дали мы тогда «духам» прикурить по полной программе. «Духи-то» «духами», но среди их убитых часть были неграми, часть белыми из американских «зеленых беретов». Хотя и у нас были потери — семнадцать человек.— Олег тяжело вздохнул.— Но когда после окончания операции командир полка построил личный состав и спросил о потерях «зеленоберетчиков», то получил что-то неразборчивое в ответ. То ли два, то ли три человека.

— Что — так? — задаю Олегу вопрос.

— Дело в том, что на операцию личный состав уходил в форменной обувке, а на строевом смотре после боевых действий около ста человек стояли в американских кроссовках. Командир все понял об истинных потерях супостата, но вникать в подробности не стал.

— Мародерствовали?

— Нет! Это были законные военные трофеи военного времени. Брали не для продажи, брали себе, чтобы удобнее было воевать, чтобы больше иметь шансов остаться в живых. Мародерство — это когда пленных «духов» расстреливают, особенно караванщиков, а все золотишко, все камешки, всю «зелень» американскую присваивают себе.— Олег горестно вздыхает.— И эти же люди с особой яростью допрашивали своих солдат после боя, видя на их руках импортные часы. А ты говоришь — мародерство.

Через месяц после того боя Киласония получает звание — «майор».

— Вторую Красную Звезду,— продолжает вспоминать Олег,— я получил в сентябре восемьдесят восьмого. К тому времени «духи» стали более ожесточенно обстреливать Кабул американскими ракетами «земля-земля» с радиусом действия до тридцати километров. Вот и пришлось этих «стрелков» отодвигать минными полями до сорока километров. И обстрел резко сократился.

Сказано всего четырьмя фразами, а сколько дорог, сколько троп исхожено в горах вокруг Кабула (справедливости ради надо отметить, что дорог, даже троп в прямом понимании этого смысла фактически и не было). Горное бездорожье плюс в любой момент засады душманов, плюс смертоносный груз в руках саперов. Но задание командования по ликвидации массированного обстрела Кабула было выполнено на «хорошо и отлично».

Перед выходом Советских войск из Афганистана гвардии майор Олег Киласония был награжден афганским орденом «Звезда». По заслугам. Это — перед выходом, а после выхода?.. После выхода все «афганцы» рвались к мирной жизни, рвались к

своим семьям. Но... но человек предполагает, а бездарное руководство страны распологает и кромсаet человеческое мясо в свое удовольствие.

Так Киласония со своим 345-м полком, не успев толком расквартироваться на новом месте в Кировабаде, оказался в гуще апрельских событий 89-го года в Тбилиси.

— Ты же сам был в то время в Тбилиси,— обращается ко мне Олег (да, пришлось и мне побывать там: наша Тульская 106-я гвардейская воздушно-десантная дивизия на третий день беспорядков была переброшена в Тбилиси),— и эти спекуляции о саперных лопатках в руках десантников — сплошной маразм и чья-то целенаправленная клевета и заказуха. Лопатки, лопатки,— мы оба возмущаемся под стук коньчных рюмок,— команды «Фас!» не было — мы бы голыми руками утихомирили этот грузинский сброд.

Отгуляв отпуск, Олег решил увольняться из рядов разваливающейся Советской Армии разваливающейся когда-то великой Державы. Даже от предложения командующего 14-ой армией генерал-лейтенанта Лебедя занять должность заместителя начальника разведки армии с перспективой через месяц-второй стать начальником разведки, он отказался. Съездил в Приднестровье, огляделся: как в Кировабаде, так и здесь — ни жилья для семьи, ни работы для жены, ни учебы для детей (сын и дочь у него).

И зажил гражданской жизнью гвардии подполковник запаса Олег Киласония в Туле с октября 1989 года — откуда начинал свою военную стезю.

— Третий тост! — Мы встаем, молча опорожняем рюмки и дуэтом.— За тех, кто не вернулся! Кто остался за Речкой!..

Попросив Олега (или — Олега Евгеньевича?)... Нет, все же — Олега. Значит, попросив вспомнить и, при возможности, написать об «интимных подробностях» суворовских будней, я не ожидал, что он поймет буквально мою просьбу.

Он вспомнил и написал...

«Минское суворовское, 1970 год. Мне — 17 лет. 11 класс. Большая перемена на второй завтрак. Осталось немного времени, и мы с пацанами поднялись к двери на чердак покурить. Это действие грозило чреватыми последствиями — три наряда вне очереди плюс месячная уборка туалета. В таких условиях не закурить выглядело верхом опрометчивости и... короче, не по-пацански.

Стоим, значит, курим. Вдруг — а как же, без вдруг? — к нам поднимается преподавательница немецкого языка Аллочка Самолетова — красавица, умница, двадцати семи лет от рода... достаточно пожилая. Все, не только суворовцы, были в нее влюблены. В пальцах вертит сигарету и говорит:

— Ну, что, преступники, дайте уж кто-нибудь прикурить!

Я, как единственный обладатель зажигалки, чиркаю. Ничего. Еще раз чиркаю — ничего. Третий раз — не зажигается фитиль, сволочь...

Аллочка, ломая сигарету и бросая ее на пол:

— Запомните, юноша: раздразнить женщину и не оправдать ее надежд — это страшное преступление!

Запомнил на всю жизнь. Вот так формировались мужчины...».

Но... но, прочитав полстранички текста и зная Олега — не один год прослужили в одном, гвардейском пятьдесят первом, полку,— «загоняю ему под ногти иголки»:

— Не может быть, чтобы у этой истории не было продолжения.

— Доктор, от тебя ничего не скроешь.

«Окончив третий курс Рязанского десантного, в свой законный отпуск наведываюсь на три дня в Минск: хромовые сапоги, тельняшка в голубую полосочку, голубой берет, грудь в «орденах». Недалеко от Суворовского училища нос к носу... вот она, красавица Аллочка Самолетова.

- Вы помните меня?
 - Конечно, помню, только забыла имя.
 - Давайте вспомним вместе за чашечкой кофе.
 - ...Вспоминали неделю, не вылезая из ее постели».
- Подводя резюме, Олег счастливо улыбается:
- За свою жизнь ни разу не совершил «страшного преступления».
 - И не совершаешь, надо думать, до сих пор?
 - А то ж...

КРЕСТНИК МАРГЕЛОВА

Платонов Владимир Ильич, родился 06.12.1954 в деревне Бородино Дубровенского района Витебской области Белорусской ССР; Минское СВУ.

— Естественно, суворовцам в десантном училище, да, пожалуй, и в любом другом военном училище, не только в десантном, служить намного проще и легче, чем школьникам.— Не давая мне перевести дух от нашей встречи (как ни как служили в одной дивизии, в одном полку), начал разговор Владимир Платонов.— И физическая подготовка, и стрельба, и строевая подготовка, и дисциплина, само собой, у нас были на голову выше. Если не хватало курсантов, поступивших в училище из армии, то командирами отделений назначали суворовцев.

В Суворовском училище школьник из белорусской деревушки оказался не случайно. Сосед-фронтовик, не раз, сидя с его отцом на лавочке и дымя самосадом, рассказывал облепившей их ребятне о своей армейской жизни. Без преувеличений и без прикрас, конечно же, не обходилось, но, тем не менее, воспоминания соседа-фронтовика, считай, с детских лет врезались в память пацанам.

— В Рязанское десантное из нашего выпуска — а выпуск ни много, ни мало двести суворовцев — поступало всего восемь человек. На распределение, и не только на наш выпуск, в Минск часто приезжал сам Маргелов и его заместитель Иван Иванович Лисов. Ведь они до Войны оба учились в Минском пехотном училище, на базе которого впоследствии и было создано Суворовское. Считай, стал крестником самого Маргелова.

Пришло время, и Платонов — в Афганистане.

— С ротой располагался в двадцати километрах от Кабула.— На секунду задумался Владимир.— Задачу имели не допускать обстрела Кабула и обезвреживать караваны моджахедов. Обычная рутинная работа.

Вот-вот, все у них, наших Афганцев — обычная работа, обычная служба. Два года этой «обычной службы». Наверное, так и надо, так определено природой: привыкание, адаптация к любым, даже невыносимым условиям армейской жизни даже в гористо-пустынной местности Афганистана, когда в любой момент может оборваться любая жизнь, в том числе — и твоя...

— Был случай. Нашей роте придали артиллерийскую батарею. И надо такому случиться, что командир батареи выехал в штаб полка в Кабул, а в батарее больше офицеров не оказалось. По закону подлости, в это время ночью душманы начали обстрел Кабула ракетами. Взял командование на себя, и сержанты-артиллеристы огнем из орудий быстро подавили пусковые установки противника. В Афганистане меня поражала меткая стрельба расчета АГС-17 без использования прицела. Видя реальную работу артиллеристов на местности, перестал удивляться. Однажды даже провевший чин-артиллерист из штаба ВДВ был поражен такой стрельбе без прицелов: недолет, перелет, цель — «вилка», одним словом, по артиллерийскому «букварю».

Краткая биографическая справка.

- в 1970—1972 годах — учеба в Минском суворовском военном училище;
- в 1972—1976 годах — учеба в Рязанском высшем воздушно-десантном командном дважды Краснознаменном училище имени Ленинского Комсомола;
- в 1976—1985 годах (командир взвода, командир роты) и в 1987—1988 годах (начальник штаба батальона) — служба в учебной дивизии Воздушно-десантных войск в Литве;
- в 1985—1987 годах — служба в 357-м гвардейском парашютно-десантном ордена Суворова 3-й степени полку 103-й гвардейской воздушно десантной ордена Ленина Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии имени 60-летия СССР в Афганистане (командир роты, начальник штаба батальона);
- в 1988—1991 годах — служба в 51-м гвардейском парашютно-десантном Краснознаменном ордена Суворова 3-й степени полку 106-й гвардейской воздушно-десантной Краснознаменной ордена Кутузова 2-й степени дивизии в Туле (начальник штаба батальона, командир 3-го парашютно-десантного батальона);
- в 1991—2000 годах — служба в войсках МЧС в Тульской области;
- с 2000 года гвардии подполковник В. И. Платонов в запасе;
- награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени, медалями, афганским орденом «За храбрость».

СЛОВАМИ ГЕРОЯ ОЧЕРКА

Подшибякин Вячеслав Михайлович, родился 01.05.1946 — умер 06.10.2010 в Туле; Тульское СВУ, Московское СВУ, Минское СВУ.

Автор этого рассказа — полковник в отставке Вячеслав Михайлович Подшибякин, мой хороший знакомый. Незаменимый человек в Тульской городской афганской ветеранской организации, готовый всегда прийти на помощь своим товарищам. А потому, что он сотрудничает со многими газетами и журналами, то я попросил его написать о себе самому — флаг, то есть перо,— ему в руки.

Выпускник Минского суворовского военного училища, Бакинского военного общекомандного училища, Военного Краснознаменного института Министерства обороны. В 1983—1985 годах — начальник отделения спецпропаганды 40-й армии. Принимал участие в арабо-израильской войне (октябрь 1973 года), боевых действиях в Афганистане(1983—1985) и Эфиопии (1989—1990), нормализации обстановки в «горячих точках» Закавказья (Сумгаит, Нагорный Карабах, Баку).

БУДЕМ ЖИВЫ!

Как-то вечером у меня в квартире зазвонил телефон. Трубку взяла жена (у нее всегда в это время «пятиминутка» с подругами). Через секунду протянула трубку мне:

— Тебя. Из Москвы. Блохин. Говорит, твой одноклассник по суворовскому училищу.

Я схватил трубку:

— Саша, привет!

— Старик, в следующее воскресенье быть в Москве на юбилее у Володи Фетисова, ему исполняется 60 лет.

«Старик» — это не фамильярность, а мой, так сказать, псевдоним в суворовском училище. Однажды кто-то из одноклассников позаимствовал у меня без спроса журнал «Юность» с повестью Валентина Пикуля «Мальчики с бантиками» о школе юнг

на Соловецких островах. Журнал мне по великому блату, как активному читателю, всего на один вечер дали в училищной библиотеке. Обнаружив после ужина пропажу, я имел неосторожность заорать на всю спальню: «Ребята, где моя «Юность»! На что тут же получил ехидный ответ: «В стенах суворовского училища, старик». Так в 11 лет я стал для моих друзей «стариком».

За праздничным столом нас, бывших суворовцев 1-го взвода 7-ой роты, собралось всего несколько человек. Жизнь разбросала моих одноклассников по всей России, странам ближнего и дальнего зарубежья. У каждого своя судьба, своя дорога.

Стал академиком РАН, доктором технических наук, генеральным директором одного из академических научных центров Саша Блохин. Закончил службу генерал-лейтенантом, начальником управления РЭБ Генштаба ВС РФ Валера Володин. Блестящую карьеру военного дипломата сделал полковник ГРУ Юра Куликов. Вырос до ответственного работника правительства Москвы Игорь Федюнин. Нашел себя на партийном поприще в партии «Родина» (ныне «Справедливая Россия») Женя Игумнов. Хорошо известен в Москве в кругу специалистов в области металлов и сплавов директор крупного предприятия Женя Ваганов. Издал сборник стихов наш «инженер человеческих душ», поэт и переводчик Володя Елисеев.

Выпили за юбиляра, ведущего конструктора научно-конструкторского бюро «Искра» Володю Фетисова. Почтили память ушедших из жизни одноклассников — туляка Витю Монахова, москвичей братьев-близнецов Васю и Николая Сычевых, Олега Восселя, Толика Селезнева.

От меня потребовали объяснений, куда я исчез после окончания суворовского училища. Рассказал, что окончил Бакинское ВОКУ, служил в Закавказском военном округе сначала в Джульфе — командиром отдельного разведвзвода полка, потом — заместителем командира отдельной разведроты 75-ой мотострелковой дивизии в Нахичевани на советско-иранской границе. В 1970 году поступил на японское отделение спецфакультета Военного института МО СССР. После окончания — Дальневосточный и Забайкальский военные округа, Афганистан, Главное командование войск Южного направления, Эфиопия.

В конце вечера Саша Блохин достал гранки своих еще неизданных мемуаров. Во вступительной статье и подписях под фотографиями фамилии всех ныне покойных (моя — в том числе) взяты в черные траурные рамки.

— Извини, старик, тебя мы явно успели похоронить.

Слухи о моей гибели появлялись неоднократно. Впервые это случилось еще во время арабо-израильской войны в октябре 1973 года. Тогда всех слушателей старших курсов ВИМО привлекли для полетов в качестве радистов-бортпереводчиков на самолетах ВТА в Сирию и Египет. Меня направили в Тульский полк ВТА. До моих одноклассников дошел слух о том, что самолет, на котором я летал, не то сбит израильской авиацией, не то загорелся над Средиземным морем и судьба его экипажа неизвестна.

Действительно, в Сирии при посадке в аэропорту Дамаска один из наших самолетов попал под налет авиации Израиля. Ракеты «Шрайк» с израильского истребителя поразили кабину самолета. Были ранены правый пилот и штурман. Экипаж был эвакуирован.

Мы в это время летели в Каир с ракетами для ЗРК египетских ПВО. Над Средиземным морем на нашем самолете вышел из строя один из четырех двигателей. При его отключении техник самолета допустил грубую ошибку, в результате которой была нарушена работа всех навигационных приборов. Командир принял решение возвращаться на аэродром подсюка в Венгрии. Вслепую сделал разворот и взял обратный курс. Мне приказал запросить в аэропортах на острове Крит, в Афинах и Брин-

дизи возможность аварийной посадки. Услышав наш «Мэй Дей» (SOS по международному коду радиопереговоров в авиации), американцы немедленно подняли с авианосца, находящегося в Средиземном море, два истребителя. Дальше мы долго летели крыло в крыло с «почетным эскортом». Время от времени американские летчики демонстрировали нам наличие ракет «воздух-воздух» на своих самолетах.

Комиссия Главного командования BBC признала решение и действия командира соответствующими сложившейся в момент возможной аварии обстановке, а содержание моих радиопереговоров со службами воздушного контроля государств-членов НАТО правильным. Командир получил орден Красного Знамени, остальные члены экипажа (я в том числе) медали «За боевые заслуги».

— Стариk, о том, что ты потом воевал в Афганистане, погиб и посмертно представлен к званию Героя Советского Союза, я лично читал в какой-то центральной газете,— спросил юбиляр Володя Фетисов.

— Очевидно, речь идет о статье в газете «Труд» ее специального корреспондента Ю. Дмитриева. Меня прикрепили к нему от политотдела 40-й армии во время его командировки в Кабул летом 1984 года. До этого еще в 1983 году по указанию командующего армией генерал-лейтенанта В. Ермакова я успел поработать в качестве переводчика и консультанта с корреспондентом американской газеты «Дэйли уорлд» Майклом Дэвидоу — первым иностранным журналистом, которому официально была предоставлена возможность посетить ОКСВА.

Ю. Дмитриева интересовали особенности нашей работы с населением, но не столько в плане укрепления афгано-советской дружбы (об этом много тогда писали советские газеты), а в ходе боевых действий. В качестве примера я рассказал ему о боевой операции в провинции Лагман осенью 1983 года. Тогда наши и афганские войска зажали в одном из ущелий крупную банду. Душманы оказались в безвыходном положении: с фронта и на господствующих высотах — «шуврави», в тылу — зона проживания нуристанских племен. Нуристанцы, по преданию потомки воинов Александра Македонского, закончившего здесь в 320 г. до н. э. свои завоевательные походы, сохраняли во время войны в Афганистане позицию вооруженного нейтралитета. В случае вторжения на их земли с одинаковым успехом били как душманов, так и правительственные войска. Поэтому здесь банды сопротивлялись с отчаянием смертников. К тому же они загнали в пещеры население всех близлежащих кишлаков и прикрывались женщинами, стариками и детьми как живым щитом.

Я с оперативной группой спецпропаганды 40-й армии получил задачу вывести из района боевых действий местное население. Направили в предполагаемые места его нахождения агитаторов из числа активистов НДПА. Наши звуковещательные станции работали непосредственно в боевых порядках пехоты. Распространяли с вертолетов листовки с призывом к мирным жителям покинуть места боев. Наконец, на наши позиции вышел местный мулла. Наверное, никогда не забуду: маленький, горбатенький, совершенно седой старишок с лиловым носом бульбочкой. У нас такими рисуют в детских книжках гномиков.

Мулла рассказал, что местные жители в пещерах слышат сообщения наших звуковещательных станций, читают листовки, верят им. Но боятся выходить, опасаются, что в них начнут стрелять. Договорились, что в определенное время советские войска прекратят стрельбу на один час. Установили сигнал оповещения об этом — три зеленые ракеты. Определили «коридоры безопасности» для выхода мирного населения и пункты сбора. Дали возможность мулле обратиться через звуковещательную станцию к душманам с призывом последовать примеру «шуврави». Мулла попросил у нас три часа, чтобы он мог добраться до пещер.

Продолжался ожесточенный бой. Работала наша артиллерия, вертолеты огневой

поддержки. Наносились бомбоштурмовые удары авиацией. В назначенный час в небо взвились три сигнальные ракеты. С нашей стороны все стихло. Душманы еще продолжали стрелять. Истекло 15 минут, полчаса. И вдруг словно прорвало плотину — по «коридорам безопасности» хлынула толпа женщин, стариков, детей. В пунктах сбора мы насчитали около трехсот человек. Прекратила сопротивление и часть душманов.

В ходе этой боевой операции совершил свой подвиг разведчик из 108-ой мотострелковой дивизии сержант Николай Анфиногенов. Прикрывая вынужденный отход своих товарищей, он подорвал гранатой себя и окруживших его душманов. За свой подвиг он был представлен к званию Героя Советского Союза (посмертно). Обо всем этом я рассказал Ю. Дмитриеву.

— А другие боевые операции у тебя были? — спросил Женя Ваганов.

— Как-то подсчитал: за двадцать два месяца пребывания в Афганистане я всего два месяца находился в пункте постоянной дислокации штаба 40-й армии. Все остальное время — на боевых действиях. В моем активе 14 армейских операций, 28 боевых вылетов на залиствование в районы с неподавленным ПВО. Командование 40-й армии направляло меня, как начальника отделения спецпропаганды, на самые сложные операции: в Герате, под Кандагаром, Джелалабадом, Митерламом, ГЭС Сурбии, Газни, Гардезом, ущельях Панджшер, Искаполь, Тора-Бура, Ургун, «зеленой зоне» Чарикара, провинциях Пактия, Пактика, проводку колонн на Файзабад и Ургун. Оставшиеся месяцы — агитрейды в окрестностях Кабула. К тому же, в 1984 году в 40-й армии для работы среди населения было развернуто 14 агитотрядов в дивизиях, бригадах, отдельных полках, а также средневолновая радиостанция большой мощности. Все это нужно было разместить, ввести в строй, организовать их работу. За операцию в Панджшере я был награжден орденом «Красной звезды».

— А какая операция запомнилась больше всего?

— Операция по деблокированию крепости Ургун на границе с Пакистаном. Она проводилась в первых числах января 1984 года по просьбе руководства ДРА. Руководил операцией начальник штаба 40-й армии генерал-майор А. И. Сергеев. Накануне операции мы вместе с министром ДРА по делам народностей Лайеком встретились со старейшинами проживающего здесь племени джадран, одного из самых воинственных в Афганистане. В ходе переговоров со старейшинами удалось убедить их в необходимости сохранения нейтралитета. Среди душманов проводилась активная спецпропаганда, местным жителям была оказана материальная помощь.

У меня до сих пор остались в памяти три эпизода этой операции. Первый — выдвижение. По дороге из Гардеза на Ургун вышли на перевал. Кругом заснеженные сопки, сосны, ели, совсем как у нас на Дальнем Востоке. Единственное отличие — на каждом километре сожженные БТР, БРДМ, КАМАЗы. Свидетельство того, что проводки колонн на Ургун все годы афганской войны сопровождались сильным сопротивлением душманов, которые получали непрерывное подкрепление из Пакистана. Второй — само ущелье. Во время второй англо-афганской войны в 1840 году здесь была полностью разгромлена группировка войск англичан. Уцелел только военврач, которому чудом удалось добраться до английских войск в Джелалабаде. На всем протяжении — нависшие над дорогой скалы, постоянные доклады из отрядов обеспечения движения о выявленных местах установки мин и фугасов, случаях подрыва. В районах Малые и Большие Шаторы завязались ожесточенные бои с душманами. Здесь совершил свой подвиг летчик майор Рубан. При нанесении бомбоштурмового удара его самолет был подбит из ПЗРК. Он направил свой самолет на позиции душманов. Был представлен к званию Героя Советского Союза (посмертно). Третий — встреча наших войск в крепости Ургун, блокированной душманами почти полгода.

Население и личный состав 14-го погранполка ДРА восторженно встречали нас как освободителей. За эту операции я был награжден одной из высших наград ДРА — орденом Красного Знамени.

Закончился наш вечер воспоминаний признанием Саши Блохина:

— Стариk, накануне 40-летия нашего выпуска в 2004 году мы сделали последнюю попытку разыскать тебя. Вспомнили, что твой старший брат работал в Госкомитете по науке и технике СССР. Решили, что ты мог тоже осесть в Москве. В базе данных МГТС нашли более семидесяти В. М. Подшибякиных. Я начал обзванивать их. На четвертом телефонном номере ответила пожилая женщина. Сказала, что ее сын, Подшибякин Вячеслав Михайлович, кстати, тоже полковник, умер несколько месяцев назад. Назвала кладбище в Подмосковье, где он похоронен. По своим делам я недавно был в том районе, заскочил на кладбище. В дирекции мне назвали номер могилы, сошелся и год рождения. Навестить саму могилу я не успел, шел сильный дождь. Решил, приедем потом с ребятами. Так в моих мемуарах появилась черная рамка на твоей фамилии. Поэтому сообщение из Международной ассоциации суворовских, нахимовских и кадетских объединений «Кадетское братство» о том, что ты разыскиваешь меня, вызвало у меня в буквальном смысле шок. Предлагаю в связи со счастливым завершением всей этой эпопеи тост: «Будем живы!».

Постскриптум:

Небольшая зарисовка.

«ИСТОРИЯ ОДНОЙ ФОТОГРАФИИ.

Это был один из самых счастливых дней в семье Героя Советского Союза майора Михаила Яковлевича Подшибякина и его супруги Марии Павловны.

Лето 1957 года, Западная Белоруссия, город Гродно.

После долгой разлуки собралась вся семья. С полигона на границе Белоруссии и Литвы вырвался на несколько дней Михаил Яковлевич. Из своих суворовских училищ приехали на каникулы дети. Старший Володя — из Воронежа (16 лет на фотографии), Саша — из Ленинграда, Слава — из Тулы. Больше всех радовался младшенький, Юрочка; ему осенью идти в первый класс и ему не терпелось посоветоваться с братьями, в какое суворовское училище поступать через три-четыре года. Михаил Яковлевич предложил сфотографироваться всей семьей.

Веселой гурьбой они ввалились в фотоателье. Старый поляк-фотограф долго рассказывал их, обращаясь к Марии Павловне «пани», к Михаилу Яковлевичу — «пан Герой», к старшим детям — «паночки маленькие офицеры», а к Юре — «прелестный паненочек». Подставлял какие-то скамеечки, переставлял с места на место лампы освещения. Мужчин попросил снять «фуражечки», но, увидя, обритую «под Котовского» голову Михаила Яковлевича и подстриженные по суворовской моде наголо три детских головы, замахал руками, сказав, что в фуражках будет солиднее. Потом скрылся под черным покрывалом, накрывавшее его старинный фотоаппарат на треноге. Долго крутил правой рукой объектив, а левой делал замысловатые пассы. Наконец торжественно произнес: «Увага!», что все поняли как: «Внимание!», снял колпачок с объектива и через мгновение вернул его на место. Вся процедура заняла полчаса. Впереди и у взрослых, и у детей была целая жизнь...».

Вячеслав ПОДШИБЯКИН, полковник в отставке, начинавший обучение в Тульском суворовском военном училище, продолживший учиться в Московском суворовском военном училище, окончивший Минское суворовское военное училище.

У моего друга Славки Подшибякина, земля ему — пухом, — отец — Герой Советского Союза. Я счел нужным в память и об отце, и о сыне — он не возражал бы — привести на страницах этой книги краткую биографию Михаила Яковлевича Подшибякина — отца суворовца Вячеслава Подшибякина.

Итак:

ПОДШИБЯКИН Михаил Яковлевич.

Родился 05.06.1916 в деревне Малая Шишовка (ныне — Воловского района Тульской области) — умер 20.07.1967 в городе Богородицке Тульской области.

Герой Советского Союза (03.06.1944), медаль № 3898.

Из крестьянской семьи. Образование неполное среднее. Работал бухгалтером в колхозе. В рядах Красной Армии с 1937 года. В 1939 году окончил КУКС. Участник советско-финляндской войны 1939—1940 годов.

На фронтах Великой Отечественной войны с апреля 1942 года.

Командир батареи 45-мм пушек 372-го стрелкового полка (218-я стрелковая дивизия, 47-я армия, Воронежский фронт) старший лейтенант Подшибякин отличился 29.09.1943. Батарея в боях за удержание плацдарма на правом берегу Днепра у села Пекари (Каневский район Черкасской области, Украина) участвовала в отражении многочисленных вражеских контратак, подбила 3 танка. Оставшись один из расчета, продолжал сражаться и подбил танк.

Выдержки из Наградного листа на представление к медали «За отвагу» командира батареи ОИПТА 51 ОСБр старшего лейтенанта ПОДШИБЯКИНА Михаила Яковлевича:

«...Старший лейтенант ПОДШИБЯКИН М. Я. работает в отдельном истребительном противотанковом дивизионе с января 1942 года в должности командира взвода; проявил себя на фронте с немецко-фашистскими захватчиками мужественным, решительным мастером своего дела. В результате чего взвод, которым командует тов. ПОДШИБЯКИН, прямой наводкой из 45-мм пушек в районе Новороссийска и горы Мысхако уничтожил до 210 солдат и офицеров противника; уничтожил и подавил 2 пулеметно-огневых точки; подавил огонь 2-х 47-мм пушек, разрушил 6 блиндажей и ДЗОТов противника, одну кухню, подбил один средний немецкий танк и одну бронемашину.

За это представляется к правительенной награде — медали «За отвагу».

Командир ОИПТА майор Иванов. 1943 год».

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 3 июня 1944 года: за мужество, отвагу и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками, старшему лейтенанту Подшибякину Михаилу Яковлевичу присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» (№ 3898).

После войны продолжал службу в армии. В 1946 году окончил Высшую офицерскую артиллерийскую школу. С 1960 года майор Подшибякин — в запасе. Жил и работал в городе Богородицке Тульской области.

Награжден орденами Ленина, Красной Звезды (3), медалями.